

ПРЕДАНИЯ О РАБОЧИХ ДИНАСТИЯХ

У многих народов существуют устные родословия, генеалогические предания, шаджара... Они по-разному именуются, но у них одна цель: дать изложение истории семьи, рода или родоплеменной группы; такие родословные имели не только воспитательное, но и юридическое или политическое назначение¹.

В России с большой тщательностью составлялись боярские, княжеские, дворянские генеалогии². Трудовой люд тоже составлял свои генеалогии, только не письменные, а устные и передавал их в форме родовых, семейных преданий. На Урале в среде рабочих генеалогические предания существовали издавна и существуют в настоящее время. Фольклористы обычно обращают на них попутное внимание, при этом включают в число генеалогических преданий не только те, которые освещают историю рода, рабочей семьи, но и те, которые «отвечают на... вопросы: откуда горы взялись, кто здесь раньше жил, когда русские пришли (на Урал. — В. Б.) и кто их привел, кто построил первые заводы, города?»; сюда же относят предания «о родоначальниках того или иного ремесла» и предания, освещающие «вопросы социально-исторического порядка: откуда зло пошло? Как образовалось крепостное право? Откуда богатство у господ?»³ Нам представляется такое расширительное толкование термина «генеалогическое предание» неправомерным, ибо генеалогия — это все-таки «история рода, родословная»⁴.

Поскольку жанр генеалогических (или родословных, семейно-родовых, семейно-фамильных) преданий изучен в меньшей степени, чем другие жанры рабочего фольклора, есть смысл рассмотреть его специально, привлекая новые материалы.

Особенностью горнозаводского Урала является наличие так называемого института заводских стариков. Эту особенность впер-

---

¹ См., например: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958; Исторические предания и рассказы якутов в двух частях. Издание подготовил Г. У. Эргис. М.—Л., 1960; М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972.

² Библиографию см.: А. И. Аксенов. Очерк истории генеалогии в России. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 57—79.

³ А. Лазарев. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970, с. 91.

⁴ Словарь русского языка, т. 1, М., 1957, с. 405.

вые отметил в 1943 году П. П. Бажов⁵. Он относил к «институту заводских стариков» мужчин, проработавших 25—30 лет доменщиками, старателями, забойщиками, углежогами. «Изробленные», они продолжали трудиться сторожами, кордонщиками, кладовщиками. Заводские старики оказались на Урале надежными хранителями рабочего фольклора, в том числе и семейно-фамильных, родовых преданий. Разумеется, со времен П. П. Бажова «институт заводских стариков» существенно изменился, но все-таки многие из 75—80-летних стариков, ныне здравствующих, начинали свой трудовой путь в начале XX века, и, естественно, усвоили и сохранили, пусть в трансформированном виде, некоторые общественно-социальные и моральные принципы дореволюционных рабочих. В нашем распоряжении нет записей родовых преданий рабочих Урала прошлых веков, но материалы последних фольклорных экспедиций Уральского университета свидетельствуют, что такие предания существовали. Нынешние 50—60-летние рабочие знают своих прадедов, их образ жизни, разделяют и утверждают многие их морально-этические нормы, принципы и передают своим детям предания тех, кто когда-то составлял «институт заводских стариков» и был хранителем моральных устоев и воззрений рабочей среды.

Родовые предания — это устная история семьи, рабочей династии. В родовых преданиях обязательны сведения о нескольких поколениях, причем в них может входить неkomментируемый перечень членов рода: «Наша порода начинается с Кузьмы, он был привезен к Демидову на завод, у него был сын Никифор, у Никифора — Иван, у Ивана — Федор, потом мой дедушка — Петр Федорович, меня по деду называли Петром»⁶. Но чаще родовые предания все-таки передают информацию о характере труда представителей династии. В таких бесхитростных на первый взгляд рассказах о том, как «родители наши» добывали руду или жгли уголь, обрабатывали землю и работали на заводе, заключена простая и мудрая мысль: трудом живет и трудом славен человек. «Про нашего предка говорил дед. Медведко у него было прозвище, а звали Иван Иванович. Сильный он был, разухабистый. Не боялся, ходил ночью один по лесу, своя тропа у него была. И работать умел: за двоих управлялся. У него сын был — Мирон Иванович, потом — Фен Миронович, потом Андрон Фенович, и я вот — Дмитрий Андронович. Все здесь жили, у леса. Хлеб сеяли, уголь жгли. Считай, сколько нас! Хорошо! У меня сын сейчас в Москве в академии учится, у него уж дочь есть. Живет наша порода не искореняется»⁷.

⁵ П. П. Бажов. Публицистика. Дневники. Свердловск, 1955, с. 52.

⁶ Записано от П. И. Кириллова, 79 лет, в пос. Верх-Баранча Кушвинского р-на в июле 1970 года. Здесь и в дальнейшем запись сделана автором, другие случаи оговариваются. В статье приводятся записи преданий Свердловской области.

⁷ Записано от Д. А. Богданова, 66 лет, в с. Орехово Алапаевского р-на в июле 1966 года.

Старики посредством семейно-родовых преданий воспитывали молодежь, передавали ей свой трудовой и житейский опыт, прививали молодым членам семьи уважительное отношение к дедам и пращурам, простым труженикам. В твоей «породе» нет бездельников, перекаати-поле — такую мысль постоянно внушали молодым старики, хранители традиций. Старики требовали знания своей родословной и при этом не останавливались даже перед суровыми мерами. И. Г. Юнышев вспоминает: «Меня дедушко все время заставлял учить нашу породу. Я и знаю: мой дедушка — Зотей, он родился от Григория, Григорий — от Никифора, Никифор — от Андрея, Андрей — от Петра, Петр — от Ефима, Ефим — от Ивана. Видишь: семь колен. У дедушки Зотей — сын Григорий, мой отец. И я вот — девятое колено: Иван Григорьевич. Дедушко был строгий, заставлял всех помнить. Один раз он собирался ехать в Тагил-город, я прошусь с ним. «Ну-ко, — говорит, — скажи нашу породу». Я начал говорить и перепутал. Так он не то чтобы в город меня взять — выдрал. Во как вышло!»⁸. В современных рассказах-воспоминаниях подчеркивается строгость глав семейств, их желание во что бы то ни стало привить подрастающему поколению трудовые навыки и навыки благопристойного поведения, а также умение дорожить общественным мнением. «Мы раньше жили на грош да с вилки, ну, значит маленько да форсисто: не богато жили, а подать себя умели, — рассказывает П. Д. Лыткин. — Каждый в семье знал свое место и обязанности. И не было того, чтобы бездельничать или лениться. В доме — всегда порядок. У меня было четыре брата, нас всех отец в строгости держал. Раньше как было? Напьется парень, упадет на улице, сразу все замечают: ага, этот несамостоятельный. Парень потом посвтается, ему откажут. Или на работу куда, в артель, такого в последнюю очередь возьмут. Вот нас отец и строжил. Я уж женихался... Однажды напился, пришел кое-как домой, а отца-то боюсь. Залез в баню, выпался. Утром слышу, отец по двору ходит. Как он в дом я — за ним. «Где ночевал? Почему помятый?» — «У сватьи». — «Ладно». А потом он узнал, что я его обманул. Что было! До сих пор помню»⁹. Конечно, в старых традициях было дурное и доброе, но народный опыт в конечном итоге закрепляет лишь то, что способствует духовному обогащению человека.

В старинных преданиях много внимания уделялось основателю трудовой династии. Современные рассказчики почти всегда говорят о роде занятий основателя династии, о его отличительных чертах, привычках, идеализируя или гиперболизируя их: «Отец говорит, что наш предок был сначала пустынным, недалеко от Нелобы жил, потом прибежал в Салду, женился, на заводе стал

⁸ Записано от И. Г. Юнышева, 70 лет, в д. Турутино Алапаевского р-на в январе 1969 года.

⁹ Записано от П. Д. Лыткина, 73 лет, в пос. Верх-Баранча Кушвинского р-на в июле 1970 года.

работать. Он будто с медведем знался. Рубит дрова в лесу, к нему медведь подойдет, он ему хлеба: «На-ко, поешь», медведь съест и пойдет, не заденет»¹⁰; «Я знаю свою породу до шестого колена: отец — Афанасий Егорович, дед — Егор Петрович, прадед — Петр Иванович, потом — Иван Максимович и самый главный — Максим. Он жил сначала в Балакиной, дедушко видел его дворище, говорил: «Знатко видно». Максим был силач, и лошадь у него какая-то особенная: он даже летом на дровнях в Салду приезжал! Вот какая у него лошадь была»¹¹. Или говорят о большой физической силе какого-нибудь представителя династии: «У нас в родне был силач, он дедом моему деду приходился, как будто так. Его звали Бронников Елизар Семенович. Один раз он пришел в магазин, ране подковы в магазине продавали. Взял одну подкову, разогнул, другую разогнул, третью: «Что-то вы, ребята, плохие подковы продаете!» — «Ой, пойди-пойди, Елизар Семенович, ты все подковы у нас разогнешь». Давно это было, может, сто лет. Отец рассказывал. Елизар здоровый был, таких сейчас нет, измельчал народ»¹²; «Раньше мы в Сысертке жили, там мой дед на славе был: пятнадцать—семнадцать пудов вал прокатный поднимал! Все его знали»¹³.

Многие родословные уральских рабочих содержат сведения о предках, сосланных на Урал или проигранных в карты: «Мне мама говорила, что нас Екатерина в карты проиграла то ли Демидову, то ли Яковлеву. Первых семь человек сюда привезли, среди них был Ларя, наш предок. От него был Тихон, потом Михаил, потом Иван, больше я не знаю, забыла. Ларя — первый из нашего рода. Его когда привезли, тут лес кругом был. Это мне мама сказывала: «Ой, девки, мы ведь в карты проиграны, мы тульские, с города Тулы». Нас когда и сейчас старики зовут: «Тулянки вы»¹⁴; «Сюда был сослан шут Петра I за непокорность. По-нашему, скоморох, по-ихнему, шут, клоун. Этот скоморох — наш предок. У него будто и имени не было, только Скоморохом звали. Так дедушка говорил, он всех помнил, а мне не сказать...»¹⁵; «Нашего деда дед на приисках Шувалова сначала работал, его привезли из России. Он критику разводил. Провинился. Его сюда сослали. Поэтому у нас прозвище было — Шувалята»¹⁶. В то же время су-

¹⁰ Записано от П. И. Кузьмина, 74 лет, в г. Нижняя Салда в июле 1968 года.

¹¹ Записано от И. А. Феокистова, 77 лет, в г. Нижняя Салда в июле 1968 года.

¹² Записано от К. Т. Петрухиной, 75 лет, в пос. Верх-Баранча Кушвинского р-на в июле 1970 года.

¹³ Записано от И. Е. Колясникова, 71 года, в с. Шелкун Сысертского р-на в октябре 1964 года.

¹⁴ Записано от А. И. Максимовой, 78 лет, в д. Акинфиево Верхне-Салдинского р-на в июле 1968 года.

¹⁵ Записано от А. С. Ефременковой, 74 лет, в пос. Серебрянка Пригородного р-на в июле 1970 года.

¹⁶ Записано от С. И. Гурьева, 65 лет, в д. Ложкино Алапаевского р-на в июле 1968 года.

ществуют родовые предания, в которых в качестве основателей русских династий фигурируют коренные жители Урала — манси или татары, башкиры: «Когда татар разбили у Казани, они разбежались кто куда. Сюда прибежали татары Шигаи, Пехтыш, Ендельц. Поселились, разгнездились. Мы от татар идем, хотя считаемся русскими. Я знаю, что по моему роду Кирилл, Федор, Петр — все от татарина Ендельца»¹⁷.

П. П. Бажов отмечал, что в старой рабочей среде «всякий первый добытчик, открыватель рудника или прииска как-то связывался с тайной», причем «у горщиков, у рудознатцев тайна играла большую роль, чем у угольщиков или доменщиков»¹⁸. Поэтому в любом поселке часто распространялись вымышленные объяснения удачи или знаний, опыта того или иного рабочего. В очерке «У старого рудника» П. П. Бажов пишет, что ему в конце XIX — начале XX века в Сысерти и Полевском приходилось слышать такие соображения рабочих на этот счет: «Словинку знает; пособничков, видно, имеет, да нам не рассказывает; в тот раз в кабаке похвалился — Полозов след видал, потому и находит; дедушко у них на эти штуки дошлый был, он, поди, и открыл всю тайность»¹⁹. И в семейных преданиях непременно отлагались подобные сведения: «У меня и дед и прадед были старателями, трудились, как все. А про нас болтали, мол, вы богатыньки, только золотишко прячете, у вас дед Кузьма что-то знал, вам и передал, потому и везет на Мисерке»²⁰; «Вот у меня жена Антонида Ивановна, она верит в клад. У нее предок был Петр Петрович, ему фартило: по пуду намывал. Сколько раз в честь него пушка стреляла. Было заведено: кто пуд намыл — из пушки выстрел делали. Потом дедушко ее — тоже везло. И вот будто дедушко говорил, я, мол, знаю, потому и везет. И еще: «Ей придется бедно жить, я на нее клад оставлю». И она думает, что на нее клад оставлен. Еще молодая была, думала. Один раз ей казалось, что в амбарушке кто-то ходит. Она в избу: «Мама, в амбарушке кто-то ходит». Побежали. Никого. И дверь на замке. Нет, это все неправда. А она еще и сейчас когда скажет, мол, не надо было уезжать со старого места, там дедушка клад на меня оставил»²¹.

¹⁷ Записали В. Блажес, В. Коняева от А. Ф. Ендельцева, 80 лет, в д. Шигаево Шалинского р-на в июле 1965 года.

¹⁸ П. П. Бажов. Публицистика. Письма. Дневники, с. 49.

¹⁹ П. П. Бажов. Малахитовая шкатулка. Уральские сказы. Свердловск, 1967, с. 402.

²⁰ Записано от П. Ф. Овчинникова, 74 лет, в пос. Серебрянка Пригородного р-на в июле 1970 года.

²¹ Записано от А. Г. Везденева, 78 лет, в пос. Серебрянка Пригородного р-на в июле 1970 года. В крестьянской среде также бытовали семейные предания, в которых пращур наделялся богатством или знанием какой-нибудь тайны. Например, в Слободо-Туринском районе был записан такой рассказ: «Мой дедушка был еще парнем, когда умирал его дед, звали его Григорий Егорович. Он, говорят, какие-то тайны знал, был знатким и деньги у него водились. Он дедушке моему сказал: «Вот женишься, кто первый у тебя народится, тот клад от меня

В дореволюционное время в среде трудового люда бытовали предания с фигурами вымышленных знаменитостей. Так, на Урале функционировали семейные предания, в которых родоначальниками назывались пугачата и ермачки — «внуки» и «правнуки» Пугачева, потомки участников похода Ермака в Сибирь.

В преданиях потомков казаков, участвовавших в колонизации Сибири, передавались сведения о приходе русских в Сибирь, о борьбе с аборигенами и о дарах Ермака. Последний мотив встречается в зауральских преданиях, пересказы которых попали на страницы дореволюционной периодики. В одном таком пересказе утверждается, что Котины «ведут свой род от казака, пришедшего с Ермаком и получившего от завоевателя Сибири в потомственное владение всю землю, принадлежащую деревне Котино. Следующие поколения оформили эту дарственную и владели ей до прошлого столетия». Разумеется, дарственная потом «куда-то затерялась»²². Говорим «разумеется», потому что мотив дара явно вымышленный. Но этот вымышленный мотив был очень распространенным. Он присутствовал не только в родовых преданиях, но и в исторических и имел несколько видов: в качестве дара Ермака фигурировали знамя, хоругвь, ружье, будто бы принадлежавшее лично Ермаку, ермаковская одежда, «поставец с иконами Ермака» и т. п.²³ Такие предания отражали ратные заслуги ермаковцев и гордость их потомков за дела пращуров. Еще в конце XIX века многие семьи считали себя прямыми потомками ермаковцев. Так, в Березове, согласно устным родословным, поселились в числе первых ермаковцы Шах, Лях, Оболта и Мещеряк, а березовцы Шаховы, Ляховы, Оболтины, Мещеряковы — их потомки²⁴.

получит: если парень — для продолжения нашей породы, если девка — на радость». А что, как, не сказал, так и умер. Сколько-то годов прошло, дедушка мой женился, и родилась моя мама. Сначала ничего, а потом в доме неладно стало: только полягут спать, вдруг заговорит-заговорит что-то, еще и захлопает. Дедушка понял: это клад завешанный показывается. Стали дом ломать и нашли две тысячи золотых. Дедушка не жалел, что дом нарушил, он потом на эти деньги новый поставил. У мамы в девках 18 шелковых платьев было — все на денежки Григория Егоровича». — Записали Э. Ахаимова, В. Блажес от А. Д. Степановой, 70 лет, в д. Фадино Слободо-Туринского р-на в июле 1969 года.

²² З. Прогулка по историческим окрестностям г. Тобольска. — «Тобольские губернские ведомости», 1881, № 39.

²³ См., например: Н. Абрамов. Ермак — покоритель Сибири. — «Тобольские губернские ведомости», 1866, № 18, 21; Е. Кузнецов. Находка ружья покорителя Сибири. — «Тобольские губернские ведомости», 1891, № 22.

²⁴ Н. Абрамов. Описание Березовского края. — «Тобольские губернские ведомости», 1858, № 22. Следует отметить, что на Урале существуют десятки населенных пунктов, связанных с именем Ермака, например, есть станция Ермак, четыре села Ермаки, тринадцать деревень Ермаковка, два села Ермачата, два села Ермаковка, села Ермачки, Ермаши и т. п. — И. Г. Остроумов, Географическая энциклопедия обоих склонов Среднего Урала (бывш. Пермской губ. в границах до 1917 г.). Черновик, ч. IV. — Государственный архив Пермской области, ф. 72, оп. 1, д. 29, л. 14—30. Во многих названных населенных пунктах жители уверенно рассказывают, что первыми поселенцами были ермаковцы, отставшие по разным причинам от отряда Ермака или вернувшиеся на Урал после

С Пугачева начинались некоторые родословные жителей Южного Урала — тех мест, где когда-то проходили пугачевские отряды. Так, по преданию, Пугачев полюбил Катю Невзорову, дочь мастерового Саткинского завода, у нее родился сын, поэтому все Невзоровы позже назывались Пугачами: Петька Пугач, Ванька Пугач²⁵... В поселке Узян Белорецкого района Челябинской области записан такой рассказ от С. Ф. Петрова: «Когда Емельян Пугачев находился в наших местах по пути в Белорецк и ему отливали пушки на соседнем Кухтурском заводе, он взял в жены дочь узьянского рабочего Петрова. У нее родился сын Николай Емельянович. Поп записал его Петровым. Это был сын Пугачева. У Николая Емельяновича было семь детей, в том числе мой дед Самойла Николаевич. Я видел его фотографию — он был очень похож на Пугачева. Мать его жила более ста лет. Емельян Пугачев оставил ей будто бы золото, которое она разделила между своими внуками — это я слышал от отца»²⁶. Иногда в семейных преданиях говорилось о помощи дедов или прадедов пугачевцам или об их непосредственном участии в Пугачевском восстании²⁷. Людьми, передававшими подобные предания, двигало, конечно, не тщеславие. «Раньше при царе большие строгости были. Слово не скажи. Услышат, донесут, худо будет, всего лишишься. Мужики как сойдутся, говорят между собой, перешептываются — нельзя было вслух-то говорить. Кто про Пугачева начнет, мол, за народ шел, забирал у богатых, отдавал бедным, а другой мужик испугается, встанет и уходит. Бойтся»²⁸. Нужно было иметь гражданское мужество, чтобы в таких суровых условиях причислять себя к пугачевскому роду или говорить об участии предков в восстании Пугачева.

Семейные предания рабочих Урала — это устная летопись трудовой династии и вместе с тем отражение «большой» истории: истории завода, поселка, города, истории освоения края. Родовое предание может принимать форму исторического предания, если рассказчик вводит сведения по заселению местности, характеру труда жителей, сохраняя одновременно хотя бы в основных чертах родословную. Например, освещая историю села Сулем, А. И. Ги-

---

покорения Кучума (Записи таких преданий, сделанные участниками экспедиций, хранятся в архиве кафедры фольклора и древней литературы Уральского университета). В то же время нужно сказать, что уже в XVIII веке в ермаковской прозе появляется мотив «Ермак — родоначальник всех разбойников», и вольные люди стали называться в уральских преданиях ермачками. Очевидно, какая-то часть родовых преданий могла быть связана с этими ермачками. О «справедливых» и «разбойных» ермачках см.: В. И. Немирович-Данченко. Кама и Урал. Очерки и впечатления. СПб., 1904, с. 142—144.

²⁵ Л. Г. Бараг. Южноуральские предания о Пугачевском восстании. — Русский фольклор, т. 15. Л., 1975, с. 130.

²⁶ Там же, с. 131.

²⁷ Там же, с. 133, 137; В. П. Кругляшова. Пугачевское восстание в устной прозе советского Урала. — Русский фольклор, т. 15, с. 125—126.

²⁸ Фольклор на роднине Д. Н. Мамина-Сибиряка. Свердловск, 1967, с. 55.

лев рассказал следующее: «Тут ссыльных, вероятно, не было. Сюда шли на работу, когда навигация открывалась. Беглые могли здесь быть. Наш предок Егор Гилев приехал из Старой Утки, а жёну взял здешнюю. Это был наш первый родственник, он всех Гилевых наплодил. Вся деревня Гилевы. Сын у Егора был Яков Егорыч, от Якова Егорыча было 5 или 6 сыновей — Акинтий Яковлевич — знаменитый сплавщик. Григорий Яковлевич уехал в Кын, и там тоже теперь много Гилевых. Предок Егор, наверное, барки строил, работал на строительстве — это годовая работа. В Илеме лесопилка была. Зимой барки строили. Кампаниями робили — пол-барки или четверть барки на семью. Углежжения тогда еще не было. А потом начали уголь жечь. И были у них занятия: барки и уголь»²⁹.

Постоянный мотив всех рассказов-воспоминаний рабочих, начинавших свой трудовой путь до Октябрьской революции, — это тяжесть труда на старых предприятиях Урала, будь то завод, рудник или работа «на кучонках». Этот мотив вошел во все предания стариков, опубликованные в известной книге «Были горы Высокой», его можно найти и в материалах сборников рабочего фольклора. Например, Т. З. Чернышева, рассказывая о демидовщине, передает семейное предание о своих «предках» из Черниговской губернии, пригнанных на Урал, о деде, об отце, которого «смотритель спустил в гору», и там он «проработал безвыходно тридцать лет»³⁰; Ф. Д. Кузьмин рассказал про своего деда И. К. Базанова, который работал забойщиком и «был забит в руднике за невыполнение урока»³¹.

На всех уральских заводах и рудниках применялся детский труд. В жалобах рабочих XIX века указывалось, что «дети менее пятнадцатилетнего возраста употребляются на рудниках в работы и вывозят в день по 150 пуд. ручными тележками руды», что «дети сии содержатся... в дурных и тесных балаганах»³². О непосильном труде рассказывают и многие старики, работавшие в детстве воротовыми, катчиками, гонщиками³³.

Родовые предания содержат самые разнообразные сведения о старших членах семьи, о взаимоотношениях между старшими и младшими, о семейных празднествах, традициях. Иногда рассказчики говорят о чем-то частном, но примечательном. Так, в Сысертском, Кушвинском районах нам приходилось встречаться с пожилыми людьми, которые когда-то давали своим детям одинаковые имена. «У меня два сына. Старший родился, назвала в честь деда Петром. Имя доброе, а парень-то оказался хворый, думала пом-

²⁹ Предания реки Чусовой. Свердловск, 1961, с. 29—30.

³⁰ Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. Изд. 3-е. Свердловск, 1960, с. 34, 40—41.

³¹ Там же, с. 36.

³² Цит. по кн.: О. Б. Алексеева. Устная поэзия русских рабочих. Дореволюционный период. Л., 1971, с. 81—82.

³³ Были горы Высокой, с. 43, 44—46, 87.

рет он у меня. Второй родился, опять назвала Петром: один по-мрет, так другой Петр останется. А они оба выросли, у них уж внуки есть. Так и звали: Петьша большой и Петьша маленький»³⁴. Некоторые рассказчики очень обстоятельно могут освещать неурядицы в семье, подчеркивать скупость, жестокость или чрезмерную набожность, суеверность деда, отца, матери, но в целом родовые предания все-таки передают здоровую моральную атмосферу рабочей семьи. Большинство нынешних пожилых людей, рассказывая о старом семейном укладе, старом семейном быте, невольно вспоминают знатоков или любителей народной поэзии, вспоминают, как они в детстве слушали сказки деда или бабушки, рассказы и песни отца, матери. И многие рассказчики знают, что и от кого усвоили: «эта песня мамина», «так дед любил рассказывать», «эту песню бабушка научила петь». «Моя родня вся на угле работала. И дед, и отец уголь жгли, в Кушву возили. А бабушка сиротой росла, на всяких работах работала, все прошла и все знала. И опять веселая была, петь любила и меня учила. В большой праздник как стопочку выпьет, запоем свою любимую:

Кто на рудничке не робит,	У машерта не стоят.
Тот и горюшка не знат:	Люди кончили урок,
На промывке на песке	Мы хозяину пирог,
Всю неделюшку в тоске.	Мы хозяину пирог —
Мои рученьки пристали,	Не убавит ли урок?
Промывать пески не стали,	Мы хозяину другой —
Мои ноженьки болят,	Не отпустит ли домой?

Она меня все время заставляла: «Ты, Синка, учи и помни бабушкины песни»³⁵.

*
*   *
*

Сейчас не только семья, но и общество заинтересовано в продолжении рабочих династий, ибо они — гордость, золотой фонд рабочего класса. Старинная традиция семейного трудового воспитания в настоящее время приобрела выраженный общественный характер. Сегодня во многих заводских и фабричных коллективах устраиваются встречи ветеранов труда с молодежью, проводятся тематические вечера, посвященные рабочим династиям, их деятельность пропагандируют печать, радио, телевидение.

Особенно представительны рабочие династии на старых уральских заводах. Но и на сравнительно молодых предприятиях, возникших уже в годы Советской власти, существуют сотни рабочих династий. Приведем некоторые данные только по Уральскому заводу тяжелого машиностроения имени С. Орджоникидзе.

³⁴ Записано от Н. М. Курыгиной, 73 лет, в д. Кедровка Кушвинского р-на в июле 1970 года.

³⁵ Записано от К. Е. Оносовой, 71 года, в пос. Серебрянка Пригородного р-на в июле 1970 года.

На Уралмаше в настоящее время 1700 трудовых династий. Их представляют 4952 рабочих, 864 инженера и техника, 764 служащих, 347 мастеров, 82 начальника цехов и отделов, 112 их заместителей; 2243 представителя династий удостоены правительственных наград, 3135 человек носят высокое звание ударников коммунистического труда³⁶. На заводе трудились или продолжают трудиться из династии Абрамовых — 14 человек, Аникеевых — 7, Алейниковых — 8, Аныгиных — 10, Артеговых — 8, Белошапкиных — 9, Бондаревых — 14, Горбуновых — 9, Детковых — 6, Дурнышевых — 10, Евстафьевых — 14, Кирилловых — 7, Лукиных — 17, Маслий — 5, Машараниных — 6, Осиповых — 8, Подпанковых — 10, Поморцевых — 8, Порывкиных — 13, Пушкаревых — 13, Старковых — 11. Сейчас на Уралмаше работают внуки тех рабочих, которые в конце 20-х годов начинали строить завод. «В рабочей биографии каждой династии, — справедливо пишет А. Чуркин, — биография завода. Деды строили корпуса будущего машиностроительного гиганта, их сыновья делали первые дробилки, первые буровые, первые экскаваторы, а внуки своим самоотверженным трудом наращивают выпуск первоклассных машин»³⁷.

Общественные организации и партком Уралмаша много внимания уделяют пропаганде трудовых достижений рабочих династий. Устраиваются торжественные чествования, присваиваются имена династий промышленным изделиям. Например, имя династии Бондаревых было «присвоено одной из лучших машин, выпускаемых заводом, — экскаватору ЭКГ-4,6. В 1970 году буровой установке под порядковым номером 70 000 было присвоено имя династии Корниенко»; по специальному постановлению парткома на заводе прошли рабочие и комсомольские собрания, посвященные династии Горбуновых, а «приемы и навыки в труде Е. Г. Горбунова изучали фрезеровщики в школах передового опыта»³⁸.

Старые рабочие, основатели династий, и их сыновья заботятся не только о трудовом, нравственном воспитании своих детей и внуков — они активно включились в движение наставничества. А. Румянцев, председатель заводского Совета трудовых династий, пишет, что Совет «поддерживает тесную связь с заводским кабинетом профориентации. Сотни школьников посещают этот кабинет. Они встречаются здесь с главами династий, которые рассказывают ребятам о своей профессии, о трудовых подвигах коллектива Уралмаша в годы Великой Отечественной войны»; рабочие прославленных династий Грозновых, Алексеевых, Банных и дру-

³⁶ Рабочая династия. — «За тяжелое машиностроение» (Уралмашзавод), 1973, 3 июля.

³⁷ А. Чуркин. Слава и честь Уралмаша. — «За тяжелое машиностроение», 1973, 7 июля.

³⁸ А. Румянцев. Хранители рабочей славы. — «Уральский рабочий», 1975, 18 июня; См. также: А. Золин. Уралмашевец Горбунов. — «Комсомольская правда», 1973, 4 февраля; С. Троцкий, Ю. Макарец. Говорит Уралмаш. — «Комсомольская правда», 1973, 10 апреля.

гих — частые гости молодых уралмашевцев в заводском Дворце культуры; несколько представителей династий были приглашены на ВДНХ, где встречались с династиями Московской и Донецкой областей и московской молодежью; старые рабочие, например И. Ф. Корниенко, берут индивидуальное шефство над молодыми рабочими, помогают им овладеть специальностью³⁹.

В 1973 году на Уралмаше состоялся слет трудовых династий, утверждено «Положение о Совете трудовых династий» и создан не только заводской, но и цеховые Советы рабочих династий. Между большими рабочими семьями проводится социалистическое соревнование. Свердловский обком КПСС совместно с областным советом профсоюза организовал научно-практическую конференцию «Трудовые династии — носители передовых традиций рабочего класса». В ней принимали активное участие многие кадровые уралмашевцы.

В нашу эпоху научно-технической революции жива традиция семейно-трудового воспитания, как живы и предания о рабочих династиях. Такие предания сейчас создаются и бытуют не только в узком семейном кругу — их жизнь поддерживается всеми современными средствами информации. Чаще всего — это местное радио, телевидение, печать. В заводской газете Уралмаша постоянно публикуются такие материалы, как подборка «Деда мы любим» — рассказы-воспоминания сына, дочери, зятя, двух внуков о С. Т. Артегове⁴⁰, статья Н. Михеева «Древо Лукиных»⁴¹, цикл «Говорят представители династий» — устные рассказы рабочих о своей семье и работе, зарисовка «Равняясь на отца» — об основателе династии Н. С. Толчанове⁴². В то же время утверждению и распространению трудового опыта, нравственных ценностей, накопленных рабочими династиями, способствует и большая пресса: центральные газеты и журналы, издательства. Так, Средне-Уральское книжное издательство с 1971 года выпускает серию «Рабочие династии Урала», куда входят небольшие книги, каждая из которых посвящена истории одной рабочей династии. Серия получила высокую общественную оценку⁴³.

Если рассматривать книги этой серии с фольклористической позиции, то без труда можно обнаружить в их основе обычные родовые предания. Журналисты при написании историй рабочих династий использовали многие письменные, в том числе архивные, материалы, но все-таки в каждой книге просматривается структура и логика фольклорного генеалогического предания: каждая история начинается с характеристики основателя рода, далее в пере-

³⁹ А. Румянцев. Хранители рабочей славы.

⁴⁰ «За тяжелое машиностроение», 1973, 3 июля.

⁴¹ Кстати сказать, имя династии уралмашевцев Лукиных присвоено в 1976 году одной из улиц г. Свердловска.

⁴² «За тяжелое машиностроение», 1973, 14 июля.

⁴³ См., например: В. Алексеев. Галерея трудовых династий. — «Урал», 1974, № 4, с. 169—170.

числительном порядке следуют известные членам династии их прадеды, жившие в XVIII—XIX веках: инкорпорируются в повествования рассказы и песни стариков о деревореволюционной действительности; очень обстоятельно описывается труд, быт, общественная деятельность последних двух поколений; указывается, кто из членов семьи оказался более памятливым и запомнил самые выразительные эпизоды истории династии; дается народная этимология фамилий, топонимов и т. п. З. Янтовский, излагая историю рода Хмелининых, делает прямые ссылки на семейные предания: «По преданиям, вовсе они не Хмелиниными прозывались, а как именно—забыто. И пращур будто не русский. По одной из семейных легенд, он сослан в Полевское за участие в восстании Тадеуша Костюшко и назначен на работу в гору — в Гумешевский медный рудник. Поляк ли он, литовец — неизвестно, точных сведений нет. На западный манер пращур разбил перед избушкой палисадник. И что-бы хоть что-то напоминало ему родную сторону, развел в нем хмель... По этой примете стали выделять и хозяина. Хмелинин и Хмелинин — так повелось... Прочсть всю историю рода Хмелининых, строчка за строчкой, не удастся, многие от времени стерлись. Более или менее точно она известна с двадцатых годов XIX века, с рождения «в семье мастерового господ наследников Турчаниновых Полевского завода Алексея Петровича Хмелинина» сына Василия»⁴⁴.

А. Фоменко начинает свой рассказ о семье тагильских рабочих Аганичевых как беседу с М. П. Аганичевой, которая хорошо помнит предания. Перелагая их, А. Фоменко сохраняет не только их сюжетную основу, но и народную интерпретацию лиц и событий: тулянин Демидов имеет, как и в фольклоре, однозначную оценку — «жадный и хитрый»; Михаил Аганичев, давший начало династии, был будто бы проигран в карты, привезен на Урал, быстро стал кричным подмастерьем, женился «по приказу начальства» на сироте. И было иногда так: придет он усталый с работы, а изба пуста, жены нет. Подойдет он к печи, «а она — на шестке, на теплом поду русской печи лежит — маленькая, свернувшись калачиком, и спит. Хоть смейся тут, хоть плачь... Да какой тут смех: жене всего тринадцать лет»⁴⁵.

Не все авторы смогли вникнуть в суть старинных преданий и поверий. Известно, что в прошлом веке в Полевском, Сысерти, Мурзинке существовало поверье: малахит — злой камень; приносящий несчастье. Поэтому камнерезы не хранили малахит в доме, изделия из малахита производились только на продажу в город, жены рабочих остерегались носить украшения из малахита... И вызывает досаду, что Л. Третьякова, рассказывая о горном штейгере Медведеве, приехавшем в XIX веке на ВИЗ из Полевского, утверждает: «В каждом доме на видном месте лежали поделки

⁴⁴ З. Янтовский. Хмелинины. Свердловск, 1971, с. 6—7, 9.

⁴⁵ А. Фоменко. Аганичевы — род известный. Свердловск, 1971, с. 3—5.

из волшебного зеленого камня малахита с причудливыми рисунками Хозяйки Медной горы. Несколько таких камней, которые, по народному преданию, оберегали людей от злых духов, привез с собой в Екатеринбург Захар Медведев»⁴⁶. Если основатель династии визовцев Захар Медведев действительно привез с собой подделки из малахита, значит, он уже не был суеверным — только это можно сказать, все остальное, конечно, вымысел журналистки.

Истории династий выглядят добротны, если авторы бережно относятся к рассказам рабочих, будь то воспоминания о начале трудовой деятельности в старое время, о напряженной работе во время Великой Отечественной войны или о достижениях в годы последних пятилеток. Умелое обращение с устным источником придает рабочей родословной в ее письменном варианте убедительность и достоверность. Удачными следует признать истории династий Колобовых, Пузеев, Лоцмановых, Зудовых и других рабочих⁴⁷. В советское время появились династии химиков, электро-монтажников, авиаторов, одной из таких династий посвящен очерк В. Дербеева⁴⁸.

К сожалению, ни один автор не догадался дать поколенной росписи рабочей династии — такая роспись дополнялась бы уже самими рабочими. Ведь раньше в рабочих семьях велась не только устная родословная, известны случаи изготовления «древа рода». Например, В. З. Мезенин, предки которого работали на Серебрянском заводе, свидетельствует, что в прошлом у Мезениных было «родословное дерево, выпиленное из кедра»⁴⁹.

Приведенные материалы позволяют сделать такой вывод.

Уже в дореволюционное время существовала в рабочей среде традиция, предписывавшая знание родословной. Предписывалось знать главным образом предков по мужской линии. О далекой родне также следует помнить, но нельзя на нее полагаться — именно такой смысл многих фольклорных пословиц и присловий: «Родных много, а как тонуть — не за кого ухватиться», «Родня среди дня, а как солнышко зайдет — никого не найдет». К очень дальней родне у рабочих было скорее скептическое, ироническое отношение. В. П. Бирюков с пометой «шуточно о крайне далекой родне» дает уральскую поговорку: «Фотинья, Устинья, двоюрод-

---

⁴⁶ Л. В. Третьякова. Кириллова заповедь. Свердловск, 1972, с. 6.

⁴⁷ С. М. Верников, Ю. А. Горбунов. Девять из одного цеха. Свердловск, 1972; Б. В. Иванов. Вырастили Кабаткины шестерых сыновей. Свердловск, 1972; А. Киприянова. Наследники. Свердловск, 1973; А. Фоменко. Горщики Китаевы. Свердловск, 1973; И. Давыдов. Корни и ветви. Свердловск, 1973; И. Давыдов. Секрет Корниенко. Свердловск, 1975; Г. К. Рыбникова. Потомки бунтаря. Свердловск, 1975; И. Давыдов. В полную меру. Свердловск, 1977; Б. Батарчук. Из щедрых рук. Свердловск, 1977; В. Панкратов. Добытчики горного льна. Свердловск, 1977; А. Воробьев. Уральский характер. Свердловск, 1977.

⁴⁸ В. А. Дербеев. Мартюшевы встают на крыло. Свердловск, 1975.

⁴⁹ Предания реки Чусовой, с. 30.

на Аксинья, Сидор Макару родной Харитон»⁵⁰. О том же говорят общерусские пословицы: «Моя бабушка с его дедушкой вместе капусту садили», «Родня: его батьки дом горел, а мой батько ноги грел»⁵¹.

Память легче удерживала имена отца, деда, прадеда, к ним присоединялось еще 2—4 имени предков. Скорее всего, полная народная родословная требовала наличия имен семи предков, хотя есть записи генеалогических преданий, где названы девять поколений. Ответственность за звание молодыми членами семьи «своей породы» брали на себя старики, представители «института заводских стариков».

Как правило, в родовых преданиях больше всего говорилось об основателе рода и о жизни последних двух-трех поколений. Все остальные представители династии в преданиях только сохраняли имена. Исключения есть, но они в целом подтверждают эту закономерность.

Все семейно-родовые предания имели тенденцию к «втягиванию» сведений о знаменитостях. Если предок был чем-то известен, то мог упоминаться он один, а другие «родовые звенья» или выпадали, или их число сводилось к минимуму. Необычность предка характеризовалась обстоятельно, могли сохраняться его вещи как семейные реликвии. В рабочих семейных преданиях основатель династии или один из далеких предков — это первопоселенец, или крестьянин, вывезенный из центральных районов России, или человек, обладавший какими-то незаурядными качествами: силой, непокорностью, бесстрашием, трудовой сноровкой, социальной активностью.

Подобные предания часто представляют сплав достоверного и вымышленного, хотя последнее всегда имеет определенную историческую основу.

Семейно-родовые предания сохраняли сведения об изобретателях, даровитых мастерах, внесших какие-либо усовершенствования в производственный процесс. Имена наиболее талантливых рабочих сохранялись в памяти многие десятилетия. Например, в Алапаевском горном округе все знали И. Е. Софопова как изобретателя водяной турбины с вертикальной осью. К началу 1837 года такую турбину установили на Нейво-Алапаевском заводе. «Раскатный стан, действующий от турбины, увеличил выпуск железа почти в два раза. Турбина И. Е. Софопова произвела революцию в гидротехнике»⁵².

Рабочая династия Софоповых известна в Алапаевске с 1757 года и до настоящего времени.

---

⁵⁰ Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936, с. 20.

⁵¹ Русские пословицы и поговорки. М., 1969, с. 173—174.

⁵² М. И. Аликин, Г. М. Долганцев... Алапаевск. Города нашего края. Свердловск, 1976, с. 9—10.

Семейно-родовые предания содержали ценные факты по истории того или иного ремесла, поэтому они использовались как источник достоверной информации. Эту функцию семейных преданий рабочих выделял, например, П. П. Бажов при изучении истории уральской промышленности. «Принято представлять, — писал он по поводу возникновения гранильного производства на горно-заводском Урале, — что здесь дело шло так же, как в металлургии: пленный швед Рэф и другие иноземные специалисты показали, а русские переняли», но факты говорят об обратном. И П. П. Бажов ссылается на П. Н. Зверева, который выяснил, что в Березовске к концу XIX века гранильным промыслом занималось третье поколение Ошурковых, «а они, по семейным преданиям, учились у Черепанова; тот, в свою очередь, — у Брусницына», который, видимо, и был «родоначальником березовских гранильщиков»⁵³.

Родовые предания втягивали также сведения социально-исторического порядка, сведения по заселению той территории, где жила династия рассказчика. Если такие данные способствовали углубленному освещению истории рода, если рассказчик сохранял родословную, тогда родовые предания не теряли своей жанровой специфичности. Если же этого не было, семейно-родовые предания могли приобретать форму топонимических, исторических — здесь все зависело от целевой установки рассказчика и его умения вести повествование. Кстати сказать, некоторые фольклористы, например упомянутый в начале статьи А. И. Лазарев, пытаются доказать, что народные предания, в том числе генеалогические, суть художественные произведения, что основная функция преданий — эстетическая или эстетико-информативная. Разумеется, несказочная проза дает исследователям широкие возможности выбора. Соответственно подбирая сюжеты, мотивы, образные детали, можно создать видимость народного эстетического отношения к исторической действительности и перейти к утверждению, что предания — художественные произведения. Но надо учитывать, что есть искусство и искусство устной речи: искусство как форма отражения действительности в художественных образах и искусство устной речи как народное красноречие. Именно с народным красноречием мы сталкиваемся в экспедициях, когда слушаем и записываем предания и обнаруживаем в них некоторые элементы сюжета (кстати, не бывает преданий, содержащих все пять традиционных элементов сюжета), выразительные детали или образные ситуативные решения. Непредвзятые полевые наблюдения над бытующей ныне несказочной прозой приводят к выводу, что разного рода информация, хранящаяся у народа (народное знание), существует ради трех функций: памяти, познания, воспитания. И жанровая определенность повествования зависит от того, какая функция

---

⁵³ П. П. Бажов. Публицистика. Письма. Дневники, с. 73.

выдается рассказчиком в качестве основной. Естественно, функция воспитания оказывается доминирующей (но не единственной — остальные две остаются), когда рассказывается родовое предание

естественная необходимость распространения трудового и нравственного опыта рабочих династий дала вторую жизнь и рабочим преданиям. Трудовые династии сегодня определяют многие заводские коллективы. И не случайно, что на горнозаводском Урале, где так сильна традиция старой рабочей культуры издавна бытовали генеалогические предания, впервые в стране стала выходить серия «Рабочие династии».